

КРИСТОФЕР
КЛЭРИ

РОДЖЕР ФЕДЕРЕР

ДОЛГИЙ ПУТЬ
И ПРЕКРАСНАЯ
ИГРА МАСТЕРА

Кристофер Клэри
Роджер Федерер. Долгий путь
и прекрасная игра мастера
Серия «Спортивные легенды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319862

Клэри, Кристофер. Роджер Федерер. Долгий путь и прекрасная игра мастера: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-139241-3

Аннотация

Несколько десятилетий подряд Роджер Федерер, кажется, нарушает все известные законы физики, чтобы оставаться на пьедестале. Тем не менее его путь в мире спорта, полного цинизма, был не таким уж и легким. Лишь благодаря своей невероятной силе воли Федерер из темпераментного белокурого подростка с сомнительным чувством стиля вырос в одного из самых сдержанных и элегантных игроков. Карьера Роджера Федерера – это не только талант. Это еще и железная выдержка.

Путь, пройденный Роджером, не похож ни на одну другую теннисную карьеру. Бесчисленные победы и несколько сокрушительных поражений отточили бесспорное мастерство игрока и навеки закрепили за ним приз зрительских симпатий во всем мире.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	29
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Кристофер Клэри
Роджер Федерер.
Долгий путь и
прекрасная игра мастера**

Christopher Clarey

The Master the long Run and beautiful Game of Roger
Federer

© 2021 by Christopher Clarey

© 2021 by Hachette Book Group, Inc.

© Е. Е. Лисневская, перевод, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Моей ослепительной маме,
которая передала мне свою любовь к перу и к
теннису*

Глава первая

Тигре, Аргентина

Приближалась полночь, и Роджер Федерер вот-вот должен был появиться.

Мы, журналисты, часто и подолгу ждем, на этот раз нам с водителем пришлось коротать время в пригороде Буэнос-Айреса прямо в автомобиле. Жалобная баллада Эрика Кармена *All by Myself*, доносившаяся из магнитолы, звучала будто для меня, ведь на заднем сиденье я был один на один со своими записями и мыслями перед интервью. Вряд ли эта песня имела бы смысл для Федерера, который, кажется, крайне редко (и, уж конечно, не в этот раз) остается в одиночестве.

Это была середина декабря 2012 года, последнего месяца того самого года, когда он вернул себе титул первой ракетки мира, выиграв Уимблдон. Это был его первый титул Большого шлема более чем за два года. Роджер оставил свою жену Мирку и трехлетних дочерей-близнецов дома, в Швейцарии, и впервые приехал в эту часть Южной Америки, чтобы сыграть серию выставочных турниров, билеты на которые были распроданы за считанные минуты.

Конечно, Федерер приехал в том числе ради денег: ему заплатят около 2 миллионов долларов за выступление, и шесть

матчей принесут теннисисту больше, чем все те 8,5 миллиона, которые он заработал в виде официальных призовых за 2012 год. Но для Роджера имеет значение еще и шанс пообщаться с новой аудиторией в новом месте, сняв те ежовые рукавицы, в которых он держал и тело, и разум все предущие одиннадцать месяцев.

Другие чемпионы, уже сколотившие состояния, отказались, сославшись на смену часовых поясов. Но Федерер и его агент Тони Годсик учли неиспользованные рынки теннисиста, а также его неотыгранные эмоции. Тур, который привел его сначала в Бразилию, а затем и в Аргентину, превзошел их ожидания. Этим вечером в Тигре на импровизированном стадионе собралось двадцать тысяч человек – рекордное количество для теннисного матча в Аргентине, несмотря на то, что эта страна породила таких легенд тенниса, как Гильермо Вилас, Габриэла Сабатини и Хуан Мартин дель Потро. Последний и был здесь соперником Федерера.

– Для Хуана Мартина этот матч проходил немного странно, – прокомментировал Франко Давин, на тот момент тренер дель Потро. – Он играл дома, в Аргентине, а зрители болели за Федерера.

Такая же ситуация складывалась во многих теннисных странах. Роджер мог почти везде играть, как дома. Даже около полуночи несколько сотен фанатов все еще ждали его за пределами стадиона. Взрослые забрались повыше, чтобы лучше видеть, и взяли детей на плечи. Вспышки фотоап-

паратов мигали без остановки, а их владельцы не спускали пальца с кнопки, чтобы не упустить хороший кадр.

Все замерли в ожидании, но как только Федерер вышел из боковой двери и направился к машине, легко передвигаясь даже после трех сетов против дель Потро, улица погрузилась в хаос.

– Пока-пока. Пока-пока. Пока-пока! – теннисист ритмично махал рукой фанатам, пока не добрался до дверцы машины.

– Как дела? – поинтересовался он у меня абсолютно тем же тоном, закрывая ее за собой.

Я следовал за Федерером по всем шести континентам. За двадцать лет я брал у него интервью для *New York Times* и *International Herald Tribune* более двадцати раз. Наши встречи происходили повсюду: от частного самолета до раздевалок Уимблдона, от Таймс-сквер до альпийских ресторанов в Швейцарии и люкса в парижском отеле *De Crillon*. Мы общались в номере с невероятно хорошим видом на площадь Согласия, пока будущая жена Роджера Мирка Вавринец примеряла дизайнерскую одежду.

От большинства других элитных спортсменов, с которыми я столкнулся, Федерера отличает одна интересная привычка: сначала он расспрашивает вас, причем ему действительно хочется узнать о вашем собственном путешествии, вашем восприятии турнира, страны, людей.

– Причина, по которой Роджер так интересен людям, за-

ключается в том, что он сам в них заинтересован, – однажды сказал мне Пол Аннаконе, его бывший тренер.

Моя семья из пяти человек отправилась в собственное путешествие в 2012 году, и учебный год начался прямо в дороге: три месяца дети посещали школы в Перу, Чили и Аргентине.

Федерер хотел узнать о моем впечатлении от Торрес-дель-Пайне и острова Чилоэ в Чили, об Арекипе в Перу, но больше всего его заинтересовало обучение наших детей, как они отреагировали на разные школы и была ли от этого польза. Стало ясно, что Роджер планирует брать с собой семью и рассчитывает, что его дети повидают мир, будучи при этом частью его повседневной жизни.

– Прибывая в большинство городов на турниры, мы будто возвращаемся в гости к своим новым друзьям по всему миру, – сказал он. – Это ощущение, будто ты дома вдали от него. Сейчас я могу довольно легко его воспроизвести, особенно оставаясь с детьми. Я хочу, чтобы они всегда чувствовали себя комфортно, куда бы мы ни поехали.

Любопытство Федерера – вежливое или искреннее – задает тон интервью, превращая его в живую беседу. Это обезоруживает, хотя, похоже, он это делает без какого-либо намерения. Что Роджер создает целенаправленно, так это ощущение комфорта в экстраординарной атмосфере. Федерер может стоять на пьедестале (у него было много практики), но сам подчеркивает, что ему приятнее встречаться с людьми с

глазу на глаз. Эту черту в теннисисте вполне могла воспитать его мать Линетт. Когда кто-то слышит ее фамилию или продавец видит ее на кредитной карте и спрашивает, связана ли она с «тем самым Федерером», она отвечает утвердительно, но затем быстро переключает внимание собеседника, спрашивая, есть ли у него собственные дети.

– Посмотри вокруг, послушай, – сказал Роджер своим характерным носовым баритоном, указывая в окно машины. – Мы вроде как пробираемся сквозь толпу людей в сопровождении полицейских, а это не то, что происходит со мной каждый день, понимаешь?

– Забавно, – ответил я, – мне казалось, тебе к такому не привыкать.

– Слава богу, на самом деле это не так. Я действительно считаю себя обычным парнем с увлекательной жизнью теннисиста – увлекательной, потому что ты постоянно появляешься на публике, путешествуешь по миру, встречаешься с новыми людьми. Ты сразу получаешь обратную связь. Тебе скажут, хорош ты или, наоборот, плох. Это немного похоже на жизнь музыкантов, и это хорошее чувство. Даже если ты плох, это не имеет значения. Работай над собой. По крайней мере, ты знаешь, над чем поработать, и это вселяет в тебя уверенность и мотивацию, вдохновляет. Должен признать, это прекрасная жизнь. Знаешь, временами бывает трудно, потому что путешествия могут переноситься достаточно тяжело. Тебе ли не знать. Но на днях мне пришло в голову,

что я вошел в десятку лучших десять лет назад, а эмоции не поменялись. Это похоже на выход из телесной оболочки, невозможно поверить, что это действительно происходит с тобой. Мне очень повезло, и это одна из причин, по которой я хотел бы играть подольше, потому что на пенсии эти эмоции больше не вернутся.

Даже для Федерера стало сюрпризом, сколько ему еще предстоит выходить на корт.

В ту ночь в Аргентине Роджеру было тридцать один – столько же, сколько и одному из кумиров Федерера Питу Самprasу, когда тот в 2002 году выиграл рекордный четырнадцатый титул Большого шлема в одиночном разряде на Открытом чемпионате США. Это оказалось последним матчем Самprasа и одним из лучших хоум-ранов в этом виде спорта, если бы теннисист не дожидался еще одного года, чтобы официально объявить о своем уходе.

Стефан Эдберг, еще один из теннисных героев детства Федерера, ушел из спорта в возрасте тридцати лет.

Но Федерер не остановился на своей карьерной лестнице тогда, в Буэнос-Айресе, как могло бы предположить большинство теннисных экспертов и болельщиков. Он все еще был в середине своего пути. Роджер будет эффективно играть в 2020-х годах, когда его сверстники по теннису уже займутся бизнесом, уйдут в комментаторы или начнут тренировать более молодых игроков – будущих соперников Федерера.

Глядя на Сампраса в его последних сезонах, в 2001 и 2002 годах, стало ясно, что на нем серьезно сказываются упорные тренировки и давление извне.

– Пит уже готов остановиться, а вот Роджер сделан совершенно из другого теста, – сказал Аннаконе, тренировавший их обоих. – Странствия по миру истощили Пита. Роджер, наоборот, получает от этого энергию.

Аннаконе поехал с Федерером на турнир *АТР* в Шанхай. На второй же день тренер вместе с остальной командой сидели в номере Роджера и общались. Внезапно в дверь постучали. Это была китаянка. Федерер объявил, что прибыл их учитель языка.

– Роджер сказал, что она будет приходить каждый день примерно на полчаса и мы постараемся запомнить несколько слов, чтобы немного понимать китайский, – вспоминает Аннаконе. – И я ответил что-то вроде: «Чувак, я почти не говорю по-английски». Но Роджер обещал, что будет весело. И ему действительно это нравилось. Федерер хотел выучить несколько фраз, чтобы поблагодарить фанатов на их родном языке. Он пребывал в истерике, слушая, как мы пытаемся что-то произносить. Роджер просто наслаждается различными аспектами путешествий, чего не делают многие другие.

Для Федерера, чей отец был родом из Швейцарии, а мать – из Южной Африки, ездить по миру было естественно, словно дышать. Родину матери теннисист впервые посетил, когда ему было три месяца, и на протяжении всего детства он ту-

да регулярно возвращался. Сампрас не знал ни одного языка, кроме английского. Роджер говорит по-французски, по-английски, по-немецки и знает ретророманский. Он выучил немало слов на африкаансе благодаря своей матери и пару нецензурных слов на шведском благодаря своему бывшему тренеру Петеру Лундгрёну.

Федерер, швейцарец, живший в приграничном городе Базеле, привык менять культурную среду с раннего детства. Но знакомство с образом жизни не гарантирует, что вы его примете. Федерер вел себя так отчасти потому, что у игрока была цель попутешествовать по миру. Что действительно заставило чемпиона приехать в Аргентину в 2012 году, так это осознание того, что все его матчи – Уимблдон и «Ролан Гаррос» – вдохновляют гораздо большее количество людей, чем он предполагал.

– Они такие страстные, – отметил он. – Знаете, здесь, в Южной Америке, у меня гораздо больше фанатов, чем где-либо еще. Они плачут и дрожат, они не просто в трепете – они так рады встрече с вами, что для них это почти не по-настоящему. Такое случалось и раньше, но очень редко. Здесь было не менее двадцати человек, которые обнимали меня и целовали и были счастливы, просто получив шанс прикоснуться ко мне.

Аргентинцы кричали и приближались к машине, но Роджер не отпрянул от окна. Наоборот, он к нему придвинулся.

Я спросил Федерера, знает ли он английское слово *jaded*

(пресыщенный, заезженный).

– Вроде как, – нерешительно ответил теннисист.

– На французский это можно перевести как *blasé*, – продолжил я. – Вам уже все это до боли знакомо, нет такого энтузиазма. Можно представить себе Бьорна Борга, покидающего Открытый чемпионат США, чтобы никогда не вернуться.

Боргу тогда было двадцать пять.

Федерер задумался на мгновение.

– В подобное состояние можно перейти очень быстро, – наконец, сказал Роджер. – Ты просто заканчиваешься, не хочешь больше этого делать, устаешь от всего. Действительно, именно этого состояния я и стараюсь избежать, составляя надлежащий график, где есть место и отдыху, и каким-то переменам. Если постоянно делать одно и то же, неважно что, то это в конце концов надоест, независимо от того, насколько необычной может быть при этом твоя жизнь. Я думаю, что именно такие поездки, или хорошая тренировочная сессия, или отличный отпуск, или несколько потрясающих турниров подряд, где надо выстоять, чего бы это ни стоило, дают мне ресурсы и энергию для большего. На самом деле в каком-то смысле это довольно просто.

Наблюдая за тем, как Федерер остается свежим и энергичным в свои тридцать лет, вопреки логике и обычаям тенниса, было любопытно осознавать, что это на самом деле обусловлено предусмотрительностью игрока. Его расслабленность и

комфорт, несмотря на внешние обстоятельства, — результат того, что теннисист знает себя достаточно хорошо, чтобы избежать ловушек, которые могли бы погасить его запал.

Такая преднамеренность в целом очень гармонирует с карьерой чемпиона.

Несколько десятилетий подряд Роджеру на удивление легко удаются резаные бэкхенды, переходы к форхендами и мощные подачи. Кажется, что теннисист нарушает все известные законы физики, чтобы оставаться на пьедестале. Тем не менее его путь в мире спорта, наводненного цинизмом, был не таким уж и легким. Лишь благодаря своей невероятной силе воли Роджер из темпераментного белокурого подростка с сомнительным чувством стиля вырос в одного из самых сдержанных и элегантных игроков.

Многие считают Федерера скрупулезным планировщиком, который научился терпеть рутину и постоянно дисциплинировать себя, составляя свой график заранее и в мельчайших подробностях.

— Обычно у меня есть план на следующие полтора года. Он достаточно четкий, особенно на ближайшие девять месяцев, — поделился он со мной в Аргентине. — Я могу точно сказать, что буду делать в понедельник перед Роттердамом или что в субботу перед Индиан-Уэллсом. Конечно, расписан не каждый час, но на каждый день план уж точно составлен.

Редко когда можно увидеть уставшего и потного Федере-

ра, но за кулисами им был проделан огромный тяжелый труд. Роджер преодолел сильную неуверенность в себе. Он играл через боль гораздо больше, чем многие из нас думают. Не было недостатка и в неудачах, и в синяках. Можно с легкостью утверждать, что двумя величайшими матчами, в которых он сыграл, были финалы Уимблдона: в 2008 году против Рафаэля Надаля и в 2019 году против Новака Джоковича. Обе игры закончились горькими поражениями в пятых сетах на тай-брейках.

Федерер, несомненно, великий чемпион, он набрал более сотни титулов и выиграл двадцать три полуфинала турнира Большого шлема подряд. Тем не менее теннисист терпел и сокрушительные поражения. Это, несомненно, лишь способствовало его всеобщей привлекательности, показывая, что ничто человеческое ему не чуждо. К чести Федерера, он достойно принимал удары судьбы и сохранял акцент на позитив и будущую перспективу.

Роджер не использовал теннис как платформу для личных целей, а всегда оставался в рамках игры. Для спорта, фанатов которого становится все меньше и меньше и аудитория которого становится все старше, это немалое достижение. Таков подход старой школы: без споров и перехода на личную жизнь игрока, с неизменным дружелюбием и коринфским духом.

Скучно? Едва ли. Как может кто-либо, объединяющий людей в современном мире, вызывать тоску? Стиль игры Фе-

дерера напоминает балет. Он часто зависает в воздухе после прыжка, чтобы нанести удар или подать. Роджер смотрит на точку контакта с мячом на мгновение дольше, чем любой игрок, за которым я наблюдал за тридцать лет моей работы. Способность по-настоящему сильно ударить может показаться почти беспечностью, но именно это – неотъемлемая часть привлекательности Федерера. Его можно сравнить с Майклом Джорданом, парящим к корзине немного дольше, чем все остальные баскетболисты, или с танцором, сохраняющим позу для акцента.

– Он самый красивый и изящный игрок из всех, кого я когда-либо видела, – поделилась со мной Билли Джин Кинг. – Звенья его кинетической цепочки всегда остаются связанными. Думаю, в этом его секрет элегантности.

За последнюю четверть века профессиональный теннис двигался в силовом направлении: более мощные ракетки и струны из полиэстера, более высокие спортсмены с взрывным ускорением. Федереру пришлось скорректировать технику и работу ног, чтобы справиться с растущей скоростью игры, но он, похоже, с легкостью с этим справился. Как Роджеру удастся так играть и при этом восстанавливаться перед следующим точным ударом? Благодаря редкому зрению, подвижности и ловкости, а также из-за относительно компактных ударов и уверенности, которая приходит с осознанием того, что, в то время как другие должны планировать свои атаки, он может принимать решения на бегу. Другим игро-

кам просто не хватает такого набора инструментов. Роджера в этом плане можно сравнить с армейским швейцарским ножом.

Марк Россе, лучший швейцарский теннисист до эры Федерера, любит говорить о «скорости обработки» информации. Россе вспоминает, как выполнял упражнение, в котором кто-то подбрасывал в воздух пять шаров разного цвета и просил игроков поймать их в определенном порядке.

– Мой максимум – четыре мяча, – признается Марк. – Причем мне это давалось очень тяжело. Дай Роджу пять мячей – и он поймает все пять.

По мнению Россе, «люди уделяют много внимания таланту спортсмена, его рукам или ногам. Но есть дар, о котором мы редко вспоминаем, и это реактивность, способность мозга интерпретировать то, что видят глаза. Когда Вы смотрите на великих чемпионов, например на футболистов, таких как [Зинедин] Зидан или [Диего] Марадона, или на теннисистов, таких как Федерер, Джокович или Надаль, у Вас создается впечатление, что они находятся в Матрице. Такое ощущение, что они гораздо быстрее нас с вами, их мозг улавливает вещи моментально, и у них остается больше времени, чтобы обработать информацию.

– Зидан оставался спокоен, даже когда вел мяч с четырьмя соперниками вокруг. Для него все проходило как в замедленной съемке. Эти великие чемпионы на долю секунды опережают всех остальных, и это позволяет им расслабить-

ся. Некоторые из невероятных ударов, которые практиковал Роджер, невозможно повторить.

Наблюдать за Федерером в его лучшие дни – значит не только быть захваченным потоком его движений, но еще и нервничать из-за ощущения, что кролик вот-вот покажется из шляпы. Но когда это случится? Это двойная доза эмоционального опьянения усиливается тем, как мало теннисист отклонялся от поставленной задачи на протяжении большей части своей карьеры. Никаких тирад или шуточек, ничто в его глубоко посаженных глазах не отвлекает нас от самого действия, когда он на корте.

– Роджер играет мячом, но он также играет и *с мячом*, – пошутил однажды его друг и давний тренер Северин Люти.

Это качество нравится как инсайдерам, так и посторонним людям.

– Фед – это парень, который, вероятно, больше, чем кто-либо другой, поражает других игроков, – сказал Брэд Стайн, давний тренер, который работал с Кевином Андерсоном и первой ракеткой Джимом Курье. – Они смотрят на него и искренне удивляются: «Как у него это получается? Я серьезно, как сделать этот удар?»

Джон Макинрой тоже был художником с ракеткой, но не таким уравновешенным. Если его можно было сравнить с Джексоном Поллоком, брызгающим краской в попытке выразить некую внутреннюю борьбу, Федерер намного ближе к Питеру Паулю Рубенсу – успешный, хорошо приспособ-

ленный, выносливый и вполне доступный для непритязательных вкусов, но способный вызвать мурашки у экспертов своей манерой и композицией. Это школа искусства, которая оставляет на холсте достаточно пространства, чтобы другие могли найти свой собственный смысл в его работах. Федерер не хотел бы переоценивать технику, «в каком-то смысле она довольно проста», как он говорит. Тем не менее Роджер принимает то, что другие воспримут его игру, как романы известного писателя, которые разбираются до последней буквы на школьных уроках.

Я помню, как разговаривал с Федерером об этом в 2018 году до посадки в частный самолет в калифорнийской пустыне (это была моя первая и, вероятно, последняя поездка на частном самолете). Роджер накануне сыграл в финале *BNP Paribas Open* против дель Потро, заработав три матч-пойнта на своей подаче и проиграв на тай-брейке в третьем сете. Это было его первое поражение в сезоне.

– Тактика? Люди говорят о тактике, – сказал Федерер. – Но на этом уровне в большинстве случаев все сводится к инстинкту. Все происходит так быстро, что приходится почти не задумываясь попадать в цель. Конечно, многое зависит еще и от удачи.

Фортуна действительно сыграла свою роль в карьере теннисиста. Он мог бы не стать чемпионом, по крайней мере в этом виде спорта, если бы австралийский профессионал по имени Питер Картер не решил устроиться тренером в

небольшой клуб в швейцарском Базеле. У Федерера, возможно, не хватило бы сил, если бы он не встретил умного, чувствительного и одаренного фитнес-тренера по имени Пьер Паганини. По воле судьбы его карьерный путь пересекся с Миркой Вавринец, швейцарской теннисисткой старше самого Роджера, которая в конечном итоге стала его женой, по совместительству пресс-агентом и главным менеджером.

Он не мог бы так долго и так убедительно играть без ее поддержки и ее собственных амбиций.

– У Мирки есть желание добиться успеха, такое же сильное, как у Федерера, а может быть, еще и сильнее, – сказал Поль Дорошенко, французский фитнес-тренер, который работал с Вавринец и Федерером в первые годы их жизни в Швейцарии.

Но, как и в жизни, в профессиональном теннисе все зависит на самом деле от того, что вы делаете со своей удачей и используете ли вы свои возможности.

Федерер не растратил их попусту. Роджер не так любезен, как его могут представить маркетологи. Он умен и интуитивен, но ему далеко до Джеймса Бонда. В конце концов, он бросил школу в шестнадцать лет и не был особенно серьезным учеником. Но к взрослой жизни и спорту он подошел с большой ответственностью.

– Саму эту жизнь можно назвать школой, – сказал он в Аргентине.

Хотя Федерер, несомненно, одарен, одна из вещей, ко-

торая отличает его от других великих талантов его поколения, – это неизменная любовь к игре, стремление к большому. Игрок считает, что оставаться на том же уровне в профессиональном теннисе – это потерять позицию, застрять. Это убеждение отразилось и на более молодых соперниках Федерера.

– Чтобы достигнуть успеха на этом уровне, как мне кажется, необходимо постоянно стремиться к самосовершенствованию, прогрессу и развитию во всех аспектах, – сказал мне недавно Джокович. – Я знаю, что Роджер много говорил об этом, и я думаю, что с этим могут согласиться большинство ведущих игроков во всех видах спорта. Застой – это регресс.

Федерер понял либо подошел вплотную к осознанию своих слабостей. Это помогло ему управлять своим гневом, обрести психологическую стойкость, концентрацию и выносливость, преодолеть хроническую боль в спине и отточить одноручный бэкхенд. Роджер сменил тактику, больше атакуя с задней линии, чем у сетки. Теннисист перешел на ракетку с более крупной головкой, чтобы поднять свои шансы на успех в продолжительных розыгрышах, и неоднократно менял тренеров, но не импульсивно, а чтобы получить свежий взгляд на игру. Иногда Федерер обходился и вовсе без тренера. На протяжении всей своей жизни он искал людей, которые могли бы служить наставниками и даже образцами для подражания: от Сампраса до Тайгера Вудса и Билла Гейтса, филантропическому подходу которого чемпион будет подражать в

более поздние годы.

Конечно, теннисные достижения – основной ингредиент успеха, но в этом рецепте важную роль играют и навыки общения с людьми. Суперзвезды тенниса получают много бесплатных бонусов, но им не всегда удается поставить себя на место других. Федерер – эмпат, моментально улавливающий чувства и энергию на стадионе, на улице, в комнате и на заднем сиденье машины.

– Он чрезвычайно социально адаптирован, и я думаю, что это главная причина его популярности, – сказал Энди Роддик, американская звезда, ставшая его другом. – Он хамелеон. Он может работать в любой среде и давать искреннюю эмоцию. Вести себя по выверенному шаблону – совсем не его стиль.

* * *

Примерно на полпути между Тигре и центром Буэнос-Айреса одна из машин ускользнула от эскорта и на полной скорости приблизилась к нашему автомобилю. Молодой человек, пребывающий в восторге от погони и, возможно, от чего-то еще, наполовину высунулся из открытого окна и помахал Федереру кепкой с монограммой *RF*.

– Ну, по крайней мере, теперь ты знаешь, что твой мерч продается, – пошутил я.

Федерер усмехнулся и помахал через стекло.

– Надеюсь, он не потеряет кепку, – лишь сказал он. – Пока-пока. Пока-пока.

Улавливанием самых тонких эмоций можно объяснить слезы Роджера после матча. Сейчас их можно увидеть гораздо реже, но это все еще неотъемлемая часть личности чемпиона. Слезы теннисиста кажутся не просто выражением радости или разочарования, но еще и высвобождением всего того, что он получил на корте. Дело не только в том, что Федерер сам эмоционально вложил в матч, дело в том, что каждый из зрителей туда вложил.

– Итак, через какое-то время это начинает казаться нормальным? – спросил я, когда машина с водителем в кепке *RF* ускользнула из поля зрения.

– Это? Нет, нет, нет, – ответил Роджер, и его голос стал более высоким. – Это невероятно. Приятно видеть счастливых людей, правда? Это просто другой мир, поэтому я люблю выступать на выставочных турнирах. Потому что это другое. Вы, наконец, отправляетесь в страну, в которой, возможно, никогда раньше не бывали, или делаете то, на что у вас обычно нет времени. Вам не нужно слишком беспокоиться о том, как вы на самом деле собираетесь играть, даже если есть определенный уровень, которого всегда можно достичь. Но на самом деле на выставочных турнирах вы касаетесь сердец многих людей и делаете их счастливыми. Вы не заставили их путешествовать, чтобы посмотреть на вас, а наоборот, вы сами приехали, чтобы посмотреть на них.

На пресс-конференции Федерер ответит на все вопросы подробно и сдержанно. Редко, когда чемпион отклоняется от темы или сам выдает информацию, но он всегда уважает спрашивающего. В этом можно найти большой контраст с некоторыми из его предшественников (например, с Джимми Коннорсом) и коллег (например, с Ллейтон Хьюитт и, к сожалению, с Венус Уильямс в ее более поздние годы). В более интимной обстановке природный энтузиазм Федерера часто заставляет его размахивать руками и перескакивать с темы на тему. Мысли, выраженные на английском, родном, но не самом естественном для Роджера языке, могут завести его в неожиданных направлениях, прежде чем Роджер доберется до намеченного пункта назначения.

За кадром теннисист менее последователен, иногда даже простоват, хотя он чаще приберегает свои шалости и сюрпризы для друзей и коллег, а не для журналистов.

За эти годы я совершил немало поездок, и в этой книге попробую частично проанализировать карьеру Федерера через призму этого опыта. Это не энциклопедия о чемпионе: слишком много цифр, результатов и сводок матчей затрудняют любой рассказ, а Роджер дал нам, биографам, слишком много материала, сыграв более семнадцати сотен матчей и проведя пресс-конференции после большинства из них.

Напротив, в этой книге я попытался интерпретировать конкретные ситуации с акцентами на местах, людях и диалогах, которые имели наибольшее значение для Федерера.

У нас в распоряжении всего лишь одна планета, и он охватил большую ее часть: погоня за трофеями, призами, новизной и – все чаще с возрастом – общением.

Аргентина стала неожиданно важной остановкой на пути чемпиона, и, когда мы подошли к его отелю в центре Буэнос-Айреса, Федерер, на тот момент победитель рекордных семнадцати титулов Большого шлема в одиночном разряде, произнес:

– Я собираюсь взять отпуск после этого и просто отдохнуть, потому что последние несколько лет были чрезвычайно интенсивными. Я чувствую, что если продолжу работать в таком темпе, то могу потерять интерес, как ты упомянул, просто измучаюсь.

Роджер засмеялся.

– *Jaded*. Это новое слово в моем словаре, но последнее, что я хотел бы допустить, – сказал он. – Надеюсь, следующий год станет взлетной полосой на многие сезоны вперед. Я все еще хочу дать себе такую возможность.

Глава вторая

Базель, Швейцария

В некотором роде теннис меня спас. Когда я был еще ребенком, мой отец продвигался по карьерной лестнице и в конце концов стал адмиралом военно-морского флота США, как и его отец. Мы переезжали более десяти раз, прежде чем я пошел в колледж. От Вирджинии до Гавайев и Калифорнии теннис был тем самым пропуском в следующую школу, следующую команду, следующее сообщество. С 1980-х годов я не уставал освещать эту игру и следить за ее эволюцией критическим взглядом, но тем не менее с большим удовольствием. За тридцать пять лет карьеры мне приходилось писать обо всех видах спорта, но теннис вызывал у меня наибольший интерес, отчасти потому, что я сам немного играл, и этого было достаточно, чтобы понять, насколько это сложно. Лишь таким виртуозам, как Федерер, удастся выглядеть на корте естественно и непринужденно.

После окончания учебы в Уильямс-колледже, где я играл в теннисной команде, мне предложили стать тренером на лето в Ист-Хэмптоне, штат Нью-Йорк, в небольшом клубе с высококлассной клиентурой. Двумя из моих учеников были Ян Веннер, основатель *Rolling Stone*, и модельер Глория Сакс. Мне нужно было заработать на малобюджетное миро-

вое турне с моим другом по колледжу, и я справился с этим как раз с помощью Джанна, Глории и других клиентов. Я был так увлечен игрой, что привязал ракетку *Yonex* к рюкзаку и взял ее с собой, что казалось немного неподходящим в таких местах, как Бирма и сельский Китай, где не было кортов. Но ракетка оставалась моим островком безопасности и уверенности среди всего нового и неизвестного.

Просмотр теннисных матчей – это по-прежнему достаточно активное времяпрепровождение для меня: тело постоянно напряжено, а правая рука часто сжимает воображаемую ракетку. Первый турнир, в котором я участвовал, проходил далековато от Уимблдона. Это был национальный чемпионат Теннисной ассоциации США среди мальчиков до 12 лет в 1987 году – по сути, турнир для талантливых учеников начальной школы в моем родном городе, в Сан-Диего.

Когда я проходил летнюю практику в местной газете, люди все еще получали новости на бумажных носителях. Все, что я могу вспомнить из того чемпионата, это что Винсент Спейди, отец будущего профессионала из топ-двадцатки Винса Спейди, пел на трибунах между матчами своего маленького сына и что Александра Стивенсон была там со своей матерью Самантой в качестве зрителя.

Это происходило задолго до того, как она вышла в полуфинал Уимблдона в 1999 году, задолго до того, как кто-либо из ее ближайшего окружения узнал, что ее отец – звезда НБА Джулиус Эрвинг.

Может показаться делом случая, что остается в памяти, а что из нее ускользает. Но я уверен: всего дважды я наблюдал за игроком и знал, что смотрю на будущую первую ракетку.

Первый раз случился во время Открытого чемпионата Франции 1998 года, когда восемнадцатилетний Марат Сафин победил Андре Агасси и действующего чемпиона Густаво Куэртена в своих первых двух матчах Большого шлема. Сафин оказался взрывоопасным, телегеничным и феноменально выносливым русским, точнее, этническим татаринном с некоторой чванливостью и сексуальной энергетикой. Его резкий двуручный бэкхенд не был похож ни на один удар, который я видел ранее.

Второй раз случился во время моей первой поездки в Базель. В феврале 2001 года я освещал там дебют Патрика Макинроя в качестве капитана команды Кубка Дэвиса США и дебют восемнадцатилетнего Энди Роддика. Но гораздо больше я написал об одном швейцарском подростке.

Я наблюдал, как Федерер сыграл (и проиграл) свой первый матч Большого шлема на Открытом чемпионате Франции в 1999 году Патрику Рэфтеру, и как в следующем году он выступал в одиночном разряде на Летних Олимпийских играх в Сиднее. Роджер финишировал четвертым – самое тяжелое место на любой Олимпиаде. Теннисисту было девятнадцать, и многие считали его многообещающим и талантливым, но я не понимал, насколько перспективным был Федерер до тех самых трех дней в его родном городе.

Кубок Дэвиса, наиболее значимое командное соревнование по теннису, было на том этапе еще более престижным. Его рассматривали как детектор воли игроков, как турнир с особым психологическим давлением, где проверяются пределы выносливости теннисистов.

Федереру, все еще не попавшему в топ-20, уже приходилось испытывать острые ощущения и сокрушительные поражения на соревнованиях, в которых он впервые поучаствовал в семнадцать лет. Но в тот длинный уик-энд в Базеле он взвалил на спину команду Швейцарии и привел ее к победе над американцами в первом раунде, выиграв как одиночные, так и парные матчи с партнером Лоренцо Манта.

В день открытия Федерер обыграл ветерана Тодда Мартина, который был двукратным финалистом турниров Большого шлема. Хотя матч проводился на синтетическом покрытии в помещении, я все время представлял себе траву под проворными ногами Роджера, когда тот срезал бэкхенды, атаковал форхендами, перемещался от задней линии к сетке, брал мячи с лету и принимал подачи. Во всех его ударах и движениях прослеживалась плавность Сампраса и Эдберга: способность быстро преодолевать большие пространства, казалось бы, без особых усилий. Он мог переходить с бэкхенда на удар справа с такой скоростью и грацией, которых я никогда не видел. Его подача была плотной и крайне непредсказуемой, учитывая, как часто его противник Мартин, высокий игрок с длинными конечностями, оказывался

далек от мяча.

– Этот парень пару раз точно выиграет Уимблдон, – сказал я своим соседям в секторе «Пресса» в те далекие времена, когда спортивные обозреватели шутили друг с другом, а не писали в «Твиттере».

Такие предположения были не в моем характере. Я скорее наблюдатель, чем прорицатель, тем более конкурентов у Федерера хватало. Питу Сампрасу было около двадцати, и он все еще оставался фаворитом Всеанглийского клуба. Пэт Рэфтер, австралиец, был в расцвете сил и блестяще играл на траве. Но если вы будете следить за элитным теннисом, вы начнете замечать закономерности и навыки, которые могут спроецировать дальнейшее развитие молодого игрока. Атакующий стиль Федерера, универсальные для всех покрытий приемы, скорость, сила и работа ног обещали моему воображению многое.

Его игра, полная тактических решений, наконец, созрела, что было чудом для швейцарцев и досадой для американцев.

– Мы столкнулись с парнем, на стороне которого было преимущество, – сказал нам Макинрой после поражения 3:2. – Федерер – великий игрок, и на этой неделе он вроде как раскрылся, мы просто не могли его одолеть. Но у этого парня многое впереди. Он определенно играет на уровне топ-10, если не выше.

На прошлой неделе в Милане Федерер выиграл свой первый титул *ATP* на аналогичном покрытии – это можно на-

звать переломным моментом для молодого игрока. Но победа в Базеле, которую теннисист принес стране, была эмоциональным прорывом более высокого порядка.

Роджер выиграл десять титулов в одиночном разряде на той же арене в *Swiss Indoors*. Но на том он все еще не был уверен в своих силах, все еще сомневался, сможет ли взять на себя бремя руководства командой, особенно если учесть, что его отношения с капитаном Якобом Гласеком были достаточно напряженными. Гласек, бывшая швейцарская звезда, сместил в прошлом году Клаудио Меццадри, человека, которого ценил и Федерер, и его товарищи по команде.

– Тот матч против США был важным моментом в моей карьере, – сказал мне Федерер много позже. – Он помог мне поверить в себя.

Это событие действительно было знаменательным. Мы увидели слезы Федерера, услышали его пресс-конференцию на трех языках. Волосы Роджера тогда были длинными, лицо сохранило подростковые черты, а выдающийся нос больше всего подходил боксеру. На интервью он шел с ритмичной грацией пантеры, но выглядел застенчивым, как будто все еще приспособливался к пристальному вниманию толпы.

В американской команде также были две будущие звезды – Роддик и Джеймс Блейк, которые в предстоящие годы неоднократно пострадают от ловкой игры Федерера.

Роддик, сообразительный и мощный, дебютировал в Кубке Дэвиса в так называемой мертвой резине, победив Джор-

джа Бастла в финальном одиночном матче в воскресенье, уже после того, как Федерер одержал победу над швейцарской командой, победив Яна-Михаэля Гэмбилла.

Роддик и Федерер впервые поговорили той ночью, когда две команды пересеклись в баре в Базеле.

– Всегда любопытно посмотреть, как кто-то справляется в своем родном городе на Кубке Дэвиса, и я наблюдал, как он просто победил всю нашу команду, – сказал мне недавно Роддик. – Я думаю, что вопрос, будет ли этот парень действительно хорошим, не стоял, это было само собой разумеющимся. Вопрос был в том, будет ли он Роджером или, в самом положительном смысле, будет ли он Ричардом Гаске, который был действительно хорош? Я считаю, что если кто-то скажет, что может заметить разницу на этом этапе, то он, вероятно, лжет вам, потому что разница, если она и есть, сокрыта внутри. Я думаю, что всем стало понятно, что Роджер собирался войти в топ-10, попасть в топ-5, но между этим и первой ракеткой, чемпионом, все-таки есть разница. Тогда никто определенно не думал на двадцать лет вперед.

Блейк, который покинул Гарвард, чтобы полностью посвятить себя теннису, спарринговал в Базеле, а это означало, что он провел некоторое время и с Мишелем Краточвилем, спарринг-партнером швейцарской команды.

– Мы так гордились Энди, – сказал мне Блейк. – Мы подумали: «Этот ребенок так хорош, ребята, подождите, и он станет потрясающим, он проведет в нашей команде долгие

годы»". Я разговаривал с Краточвилем, и он ответил: «Гм, может быть, но посмотрите и на нашего парня. Он тоже будет особенным».

Блейк долго присматривался к Федереру. Его первая мысль заключалась в том, что как только Федерер находит точку удара, становится огромной проблемой перевести мяч под менее опасный бэкхенд. Роджер был таким быстрым.

– Он двигается так, что, если он получит форхенд, вы не сможете вынудить его ударить бэкхенд, – сказал Блейк. – Как только ударяет справа, точка полностью под его контролем. Это просто невероятно.

Была и вторая мысль.

– Мы все наблюдали за ним, и было похоже, что он не вспотел, – сказал Блейк. – Было похоже, что его пульс не поднимался выше тридцати. Такое ощущение, что на него ничего не могло повлиять, никакие брейк-поинты и эмоции толпы не могли заставить его понервничать.

Блейк не подозревал, что Федереру пришлось вырасти над собой, над своими юношескими приступами самоуничижения и швыряния ракетки на корт.

– Просто казалось, что именно к этому он был готов, что он может справиться с любой возникшей ситуацией, – продолжал Блейк. – А потом, уже после матча, было действительно круто увидеть его настоящие эмоции, насколько он действительно переживал, участвуя в Кубке Дэвиса в своем родном городе.

Американцы вскоре отправились домой, и я написал свою колонку в *International Herald Tribune*. У меня не хватило смелости предсказать Федереру титул многократного чемпиона Уимблдона на бумаге.

* * *

Федерер особенный игрок, уравновешенный и цельный, способный прогрессировать под давлением и делать практически все плавно.

Он может подавать. Он может играть в защите и внезапно атаковать. Он может бесконечно держать мяч и отражать виннеры. Он может диктовать игру своим форхендом и срезать одноручный бэкхенд, что заставит менее ловких противников пыхтеть и метаться в поисках быстро вращающегося мяча.

Тем не менее невозможно было знать наверняка, воспользуется ли он своими многочисленными талантами, чтобы стать чемпионом. Деньги, лесть и травмы могут притупить самые большие амбиции и смазать самые резкие удары. Конечно, по прошествии последних двух недель не могло быть никаких сомнений в том, что среди швейцарцев появился еще один потенциальный чемпион. И, в отличие от Мартины Хингис, Федерер проводил больше времени на родине, чем во Флориде.

Теннис Федерера действительно *made in Switzerland*. Роджер появился на свет 8 августа 1981 года в университетской больнице Базеля – младший сын Линетт и Роберта Федерера, теннисистов среднего уровня, которые начали играть относительно поздно.

Будущий чемпион начал тренироваться в самом Базеле, а затем оттачивал свою игру и в других швейцарских городах. Его обучение проходило в стране с четырьмя официальными языками, и Роджер подвергался влиянию иностранцев с самых ранних лет своей жизни.

Линетт была родом из Южной Африки, она познакомилась с Робертом в восемнадцать лет недалеко от Йоханнесбурга, где они оба работали в швейцарской химической компании *Ciba-Geigy*. Первым языком Линетт был африкаанс, но по настоянию отца она училась в англоязычной школе.

Линетт с Робертом переехали в Швейцарию и создали семью. С Роджером и его старшей сестрой Дианой мать говорила по-английски.

– Англоязычный период длился первые несколько лет, – рассказала мне Линетт Федерер в интервью еще в самом начале карьеры своего сына. – Затем я перешла на швейцарский немецкий. Так как я учила его в самой Швейцарии, мне он дался очень легко. Мы с Роджером по-прежнему много

говорим по-английски. Все зависит от темы, которую мы обсуждаем.

Линетт и Роберт выбрали имя Роджер, потому что им понравилось его сочетание с фамилией Федерер (у теннисиста нет второго имени). Вдобавок они учли, что это имя легко произносить по-английски. Тем не менее их сын в ранние годы тратил много времени, напоминая людям, что его имя не стоит произносить как «Ро-ЖЕ» (на французский манер).

Первым серьезным тренером Федерера по теннису был Адольф Качовски, иммигрировавший из Чехии в Швейцарию. Наибольшее влияние на чемпиона оказал австралийский тренер Питер Картер. На протяжении многих лет теннисиста тренировали шведы, американцы и хорват-космополит, бывший военный беженец Иван Любичич.

Но Федерер, несмотря ни на что, по-прежнему причисляет себя к игрокам Швейцарской федерации тенниса. Это его в какой-то мере отличает от других лучших теннисистов Швейцарии: от Хингис, которая опередила его и стала первой ракеткой как в одиночном, так и в парном разряде, и от Стэна Вавринки, ставшего вторым лучшим швейцарским игроком в истории.

– Только Роджер добился успеха благодаря федерации, – считает Марк Россе, олимпийский чемпион 1992 года из Швейцарии.

История Федерера началась в Базеле: город-космополит, расположенный на берегу Рейна по соседству с Германией

и Францией.

– Когда Роджер был маленьким, я ходила за покупками за границу, – вспоминает Линетт Федерер.

По мнению Россе, который сам родился в Женеве, Роджеру повезло родиться Швейцарии.

– Пять километров в любом другом направлении, и он мог быть немцем или, что еще хуже, французом. Вы можете себе представить его французом? Это было бы слишком.

Федерер был очень активным ребенком, «почти гиперактивным», по словам самого теннисиста. Чемпион вырос на тихой улице с домами среднего класса в пригороде Базеля, Мюнхенштайне. Маленький Роджер проявлял гораздо больше страсти к спорту, чем к учебе.

– Я не очень любил школу, – признался он. – Моим родителям приходилось меня заставлять учиться.

На одной из фотографий Роджер держит ракетку для настольного тенниса, хотя он еще едва достает до края стола. Его первая теннисная ракетка была сделана из дерева. Вероятно, Федерера можно считать последним великим игроком, который начинал с такой ракеткой. Роджер с трехлетнего возраста тренировался со стенами, гаражными дверями и шкафами.

– Бум, бум, бум, – описывает Роберт Федерер шум в доме в документальном фильме 2008 года «Роджер Федерер: Дух чемпиона». – Роберт часами стоял у стены.

«Бум» довольно точно отражает звуки тенниса в то вре-

мая. 1980-е были временем повального увлечения этим видом спорта в Германии, которое было вызвано победой семнадцатилетнего Бориса Бум-бум Беккера на Уимблдоне в 1985 году и первым Золотым шлемом Штеффи Граф, выигравшей в 1988 году все четыре титула Большого шлема и Олимпиаду.

За границей Германии, в немецкоязычном Базеле молодой Федерер и его друзья тоже поддались этому увлечению. Беккера можно считать первым теннисным кумиром Роджера.

Федерер начал играть на красном грунте в клубе *Ciba*, который принадлежал работодателю его родителей и располагался в пригороде Альшвилль.

На том раннем этапе теннис был лишь одним из многих занятий Роджера. Он играл еще и в бадминтон, сквош, баскетбол и футбол.

– Я не большой поклонник бега, плавания и езды на велосипеде, – признался он однажды. – Где-то около меня должен быть мяч.

Из правила были исключения. Федерера тянуло к горным лыжам – в конце концов, он швейцарец, – но ему пришлось отказаться от спусков, чтобы снизить риск получения травм (подробнее об этом расскажу позже). Роджеру также нравились пешие прогулки со своей семьей.

Но выбор Федерера в конечном итоге сводился к командному спорту с мячом или индивидуальному спорту с мя-

чом. Лишь в двенадцать лет он предпочел теннис футболу. По сравнению с некоторыми вундеркиндами тенниса, Роджер сделал свой выбор достаточно поздно. Агасси, Сампрас, сестры Уильямс и Мария Шарапова начали тренироваться гораздо раньше. Тем не менее некоторые из давних соперников Федерера тоже долго не могли определиться. Надаль, выросший на испанском острове Майорка, предпочел теннис футболу в те же двенадцать лет. Вавринка, который поздно начал заниматься теннисом, до одиннадцати лет играл только раз в неделю.

В последние годы высказываются негативные мнения о ранней специализации, которая может привести к юношеским травмам и выгоранию. Федерер стал одним из примеров, побуждающих детей попробовать различные виды спорта. Долголетие его карьеры, стойкость и непоколебимый энтузиазм обнадеживают других. Надаль тоже может послужить примером, даже если ему пришлось столкнуться с гораздо большим количеством травм. Когда дело доходит до создания великих чемпионов, эффективными могут быть не только крайние, но и более сбалансированные подходы.

В конце концов, сестры Уильямс превзошли все ожидания, несмотря на главный теннисный план, разработанный их отцом Ричардом: «от колыбели к величию», который, следует отметить, давал им достаточно времени для изучения интересов вне спортивной области.

Агасси, у которого над кроватью висел теннисный мяч,

чтобы развивать зрительно-моторную координацию, также играл далеко за тридцать лет и преуспевал в своем деле, несмотря на хронические боли в спине. Он как раз и был одним из тех, кто продемонстрировал Федереру, что успешная и длительная карьера – не антонимы.

Как у отца троих детей и тренера по футболу, у меня есть собственное мнение, но нет смысла отрицать, что правильно скоординированные зоркими родителями младенцы могут вырасти чемпионами. Тем не менее ранняя специализация кажется намного ближе к детскому труду, чем к детской игре. Можно вздрогнуть при мысли о том, насколько быстро истощаются все талантливые юниоры, которые были запрограммированы на успех в теннисе на модели Агасси или Уильямс и утратили вкус к игре, если он действительно когда-либо был.

Федерер, чьи родители позволили ему найти свой собственный путь, привел три причины, по которым он предпочел теннис футболу.

– Мои руки были ловче моих ног, – признался он мне.

Роджер почувствовал в себе то, что осознали многие великие спортсмены, выбравшие теннис: желание контроля, свободы воли.

– Я хотел, чтобы победа или поражение были в моих руках, не зависеть от других, – объяснил Федерер.

Наблюдая за теннисистом на протяжении многих лет, я не могу его назвать типичным индивидуалистом. Роджер –

экстраверт, он черпает энергию из других людей, а не истощается после общения с ними. Он часто проявлял интерес и к коллективному благу, долгое время участвуя в Совете игроков *АТР* и в благотворительном фонде, занимающемся дошкольным образованием. Когда Федерер и его агент Тони Годсик решили использовать значительный капитал для создания нового теннисного турнира в 2017 году, они начали с командного мероприятия – Кубка Лейвера, – призванного почтить память недооцененных великих теннисистов прошлого.

Трудно представить себе такую звезду тенниса, как, например, Джимми Коннорс, который бы смог реализовать себя в команде, Федерер бы сделал это. Но что-то в нем жаждало полной самостоятельности. Именно перфекционизм заставлял его изо всех сил стараться принять недостатки других, хотя игроку было так трудно принять свои собственные.

Тем не менее, если бы его футбольный тренер в местном клубе *Concordia Basel* вел себя по-другому, Федерер бы колебался дольше.

Роджер был быстрым и одаренным нападающим, при этом он совмещал тренировки по футболу с тренировками по теннису. По словам Федерера, его футбольный тренер сказал, что будет несправедливо по отношению к его товарищам по команде играть с ними только по выходным, раз он не сможет присутствовать на тренировках в будние дни.

Роджер не мог отказаться от тенниса. С футболом при-

шлось распрощаться.

– Никаких сожалений, – сказал он по понятным причинам много лет спустя.

В восемь лет Роджер начал играть в теннис в *Old Boys Basel* – скромном, но тем не менее ведущем клубе в зеленом районе города, в нескольких минутах езды на велосипеде от дома Федереров. Линетт играла на тот момент в женской команде *Old Boys* и решила перевести туда своих детей из-за качественной программы для юниоров, которую вела Мадлен Барлоше – швейцарка, которая сыграла в Уимблдонском турнире для девочек в 1959 году.

В программе участвовало около 130 юниоров.

– Можно было сказать, что у Роджера был некоторый талант, но у меня была сильная группа, много талантливых молодых людей, поэтому я бы никогда не подумала, что он станет тем, кем стал, – сказала мне Барлоше. – Но даже в восемь лет Федерер шутил со своими друзьями, что он будет номером один.

Сначала теннисист посещал групповые уроки, но вскоре начал брать индивидуальные занятия у Адольфа Качовски, опытного тренера по прозвищу «Сеппли», который быстро понял, что к нему попал необычный юноша.

– Однажды Сеппли пришел ко мне и сказал, что у него никогда не было юниора, который бы так быстро применил его советы, – рассказала Барлоше. – У некоторых учеников это может занять неделю или две, но Роджер просто брал и

перестраивался.

Это наблюдение в отношении Федерера отметят еще многие тренеры на протяжении десятилетий.

– Роджер действительно хорош в имитации и подражании. Это на самом деле потрясающе, – сказал Свен Грюневельд, голландец, который работал с теннисистом в Швейцарском национальном теннисном центре.

Но Федереру тоже иногда приходилось учиться на собственном горьком опыте. В одном из своих ранних юношеских матчей, в возрасте десяти лет, со счетом 6–0, 6–0 его победил швейцарец Рето Шмидли, который был на три года старше Роджера и, следовательно, намного более сильным. Шмидли так и не стал профессионалом, но все еще дает интервью об этом матче и его маловероятном счете почти тридцать лет спустя.

Результаты Федерера среди юниоров быстро улучшились, когда он начал заниматься в *Old Boys* с Питером Картером, молодым австралийцем, обладавшим тактом и спокойным поведением. Тренер все еще совмещал свои педагогические обязанности с сателлитными турнирами.

– Они хорошо ладили с самого начала, – признала Барлоше.

Не последнюю роль сыграл тот факт, что Федерер к тому времени уже говорил по-английски. Картер все еще работал над своим швейцарским немецким, несмотря на то, что его супруга была из Базеля.

– Питер был хорошим человеком и сильно помог Роджеру, – считает Барлоше. – Он действительно заставил Роджера почувствовать себя особенным игроком и поделился с ним не только своей техникой, но и тактикой ведения матча.

Для Картера была характерна классическая атакующая игра: ловкие удары с лету, плавная работа ног и одноручный бэкхенд. Звучит знакомо? Так и должно быть.

– Многое из того, что вы видите у Федерера, очень похоже на игру Питера, – считает Даррен Кэхилл, ведущий тренер и аналитик *ESPN*, один из ближайших друзей Картера. – Но Федерер обладает взрывной силой, невероятной способностью закручивать мяч, да и двигается лучше. Питер был хорош, но не экстраординарен. У него была прекрасная подача, но ее было недостаточно, чтобы выигрывать два или три очка в каждой игре.

Дэвид Макферсон, австралиец из Тасмании, играл на сателлитном турнире вместе с Картером. Макферсон продолжал тренировать братьев Брайан и Джона Иснера.

– Меня так удивило, насколько удары Роджера походили на удары Питера, – вспоминает Макферсон. – Может быть, Роджер даже не до конца это понимает. Когда Питер, как и Роджер, бил справа, мяч уже отрывался от струн, а он все еще смотрел на точку удара. Я хорошо помню, как Питер делал это, и это было уникально, и вдруг мы увидели, что лучший игрок в мире удерживает финиш. Это точно не случайно. Поддача тоже очень похожа, только расслабленное и плав-

ное начало подачи. У Питера была самая красивая игра, которую вы когда-либо видели, но, в отличие от Роджера, он хуже владел мячом.

Картер по прозвищу Картс был когда-то одним из ведущих юниоров Австралии. Его тренировал Питер Смит, который работал с Кэхиллом и многими другими будущими звездами Аделаиды. Среди учеников Смита были и Марк Вудфорд, и Джон Фицджеральд – отличные игроки в одиночном разряде, добившиеся наибольших успехов тем не менее в паре. Фицджеральд выиграл семь титулов Большого шлема Вудфорд – двенадцать, причем все, кроме одного, с партнером Тоддом Вудбриджем.

Но самым выдающимся учеником Смита оказался Ллейтон Хьюитт, энергичный игрок, который носил кепку задом наперед и быстро достиг вершины. Хьюитт стал первой ракеткой мира в возрасте двадцати лет, он выиграл лишь два титула Большого шлема в одиночном разряде – на Открытом чемпионате США и на Уимблдоне, – и оба до того, как ему исполнилось двадцать два года.

Картер вырос в местечке Нуриотпа, провинциальном городке быстро развивающегося винодельческого региона долины Баросса, где расположены виноградники Пенфолдс, Питер Леманн и другие. Он часто ездил на тренировки и турниры в Аделаиду, где, чтобы избежать длительных переездов, иногда останавливался на ночь с Кэхиллом и его семьей. Отец Кэхилла Джон был ведущим австралийским футболь-

ным тренером.

– Картс был по-настоящему стильным игроком, при этом оставаясь честным, простым, практичным и трудолюбивым парнем, – сказал Кэхилл. – Мой отец, будучи футбольным тренером и добившись определенных успехов, довольно хорошо читал людей. И он всегда говорил: «Приятель, в конечном итоге ты выяснишь, как выбирать друзей и с кем проводить время, и у тебя есть хороший друг – Питер Картер. Он хороший человек, так что вы можете проводить с ним столько времени, сколько захотите».

Картер в конечном итоге стал частью семьи Смитов, пока он в пятнадцать лет вместе с Кэхиллом не уехал из Аделаиды в столицу Австралии Канберру для поступления в Австралийский институт спорта – финансируемый государством учебный центр, который помог подготовить многих австралийских чемпионов.

– Картс был действительно хорошим ребенком, – подтвердил Смит. – За эти годы с нами проживало немало людей, и обычно, когда вы узнаете о людях, которые живут у вас, многое, отношения немного портятся. Но за все то время, что Картс был с нами, мы не можем вспомнить ни единого неприятного момента.

Картер обладал достаточным талантом, чтобы выиграть у будущего чемпиона Уимблдона Пэта Кэша на траве в четвертьфинале Открытого чемпионата Австралии среди мальчиков. В то время Кэш занимал первое место среди юниоров

мира. Но сильнее всего Картер впечатлил публику в семнадцать лет, когда он, будучи студентом, получил *wild card* на Открытый чемпионат Южной Австралии 1982 года. В первом раунде он встретился со вторым посеянным¹ Джоном Александром из Австралии.

Александр, внушительная фигура и будущий политик, занял 34-е место в мире и только что выиграл турнир в Сиднее. Картер играл на своем первом мероприятии уровня *АТР*, но выиграл Александр 7–5, 6–7, 7–6. Когда пришло время послематчевого интервью, он старался отвечать как можно короче, стремясь уйти с корта и из центра внимания.

– Картс был довольно застенчивым и тихим ребенком, – сказал Смит. – Но если бы вы познакомились поближе, то услышали бы его уверенный голос. Он знал, что умеет играть.

Несмотря на многообещающие перспективы, Картер так и не пробился слишком высоко, достигнув 173-го места в одиночном разряде и 117-го в парном. Это можно объяснить отсутствием у него достаточной силы, а затем и травмами. Смит рассказал, что у теннисиста были стрессовые переломы правой руки, его игровой руки, которые долго не диагностировались. У него также были проблемы со спиной и нетипичные травмы, например прокол барабанной перепонки, полу-

¹ Сеяным игроком называют теннисиста, выделенного судейской коллегией соревнования в группу сильнейших участников на основе индивидуального ранжирования либо по решению организаторов. (*Прим. ред.*)

ченный на водных лыжах. Это потребовало хирургического вмешательства и позже осложнилось инфицированием.

Картер неоднократно пропускал значительное количество матчей, но продолжал гнаться за рейтингом. Для большинства это непростая борьба, но она еще более жесткая для австралийцев, которым приходится соревноваться так далеко от дома, ведь большая часть турниров проводится в Европе и Северной Америке.

По словам Кэхилла, которому удалось выйти в элиту и полуфинал Открытого чемпионата США, Картер страдал от прокрастинации, из-за которой ему было трудно играть.

– Это был его основной недостаток, – считает Кэхилл. – Выбор мучал его. Будь то покупка машины, инвестиции, возможность обучения или что-то еще. Эта нерешительность действительно пришла вместе с ним на теннисный корт и немного сдерживала его. Он просто не мог легко принять решение. Картер всегда думал о том, как сделать правильно, и это могло отразиться на его ударах.

Важную роль в судьбе Картера сыграло финансовое давление. Как и многие профессионалы более низкого уровня, он решил дополнить свой скудный турнирный доход игрой на европейских межклубных соревнованиях. Картер мог оказаться в любом городе, но провиденье привело его в Базель.

– Я думаю, что у него в голове наконец-то сложились 2 и 2, – сказал Смит, который поддерживал постоянный контакт с Картером. – Для всех нас его работа тренером привела

к лучшему. Мы никогда не узнаем, но, возможно, не было бы того Роджера, возможно, мы даже не слышали бы о нем, если бы не Картс.

Россе подозревает, что Федерер нашел бы другой путь к величию.

– Я не знаю наверняка, – сказал он мне, – но, кажется, когда родился Роджер, вокруг его колыбельки собралось довольно много богов в хорошем настроении.

Смит, школьный учитель, а также тренер, умел готовить отличных наставников по теннису. Кэхилл тренировал три первые ракетки: Хьюитта, Агасси и Симону Халеп. Роджер Рашид, еще один ученик Смита, позже тренировал Хьюитта и ведущих французских игроков Гаэля Монфилса и Жовилфрида Цонга. Фицджеральд стал капитаном австралийского Кубка Дэвиса.

К сожалению, Картеру не удалось до конца раскрыть свой тренерский дар. В 2002 году он попал в смертельное ДТП на джипе в Южной Африке во время своего медового месяца. Этот пункт назначения он выбрал по рекомендации семьи Федерера. Ему было всего тридцать семь.

Но Картер оставил спорту бесценное наследие, сформировав стиль игры и психику Федерера. На вопрос, кто больше всего повлиял на него в теннисе, Федерер редко упоминает Качовски. Он всегда говорит о Картере.

– Питер помог мне во многом, в первую очередь как человек, и конечно же как тренер, – вспоминает Федерер. – Люди

много говорят о моей технике. В этом отношении многим я обязан именно Питеру, хотя, естественно, другие тренеры тоже сыграли свою роль.

В технике Федерера нет ничего необычного: его хват справа близок к классическому, восточному хвату. Многие из его соперников используют полузападный хват, при этом ладонь они держат намного ближе к нижней части рукоятки, что может облегчить выполнение топспина, но затруднить прием низких мячей и перехват рукоятки для эффективной игры с лету.

Что касается бэкхенда, то в 1980-х и 1990-х годах двуручный вариант уже был самым популярным на международном уровне среди ведущих юниоров. Он обеспечивает мощность удара и повышает его стабильность. Но выбор Федерера в пользу одноручного бэкхенда был не случаен.

В начале карьеры все образцы для подражания Роджера – Беккер, Эдберг и Сампрас – придерживались именно такого варианта. И Качовски, и Картер были сторонниками одноручного бэкхенда. Многие старшие мальчишки, тренирующиеся в клубе, выполняли бэкхенд одной рукой. Так играла и Линетт Федерер.

Главное преимущество одноручного бэкхенда – он может облегчить выход к сетке и выполнение одноручного удара слева слета. Поскольку Картер придерживался классического атакующего стиля, неудивительно, что он ставил такую же технику своему звездному ученику, даже если Федереру

нужно было время, чтобы привыкнуть к игре под сеткой.

– Я получил этот прекрасный одноручный бэкхенд от Питера, – сказал Роджер, сумев произнести это одновременно гордо и почтительно.

Но этот удар был неотразим скорее для глаз, чем для соперников, в те далекие годы. Кэхилл посетил Картера в Базеле в 1995 году, когда Федереру было всего тринадцать. Он пришел в клуб *Old Boys*, чтобы посмотреть на их игру. Это был первый взгляд Кэхилла на Федерера.

– В то время у Роджер немного походил на Джона Траволту в «Лихорадке субботнего вечера». Сходство заключалось в том, как он перемещался по корту, – рассказал Кэхилл. – На самом деле у Роджера этого осталось не так много, чего-то вроде: «Эй, парень, это мой двор, и именно я здесь главный». Глядя на него, я невольно улыбался. Не уверен, знал ли он меня конкретно, но он знал, что я друг Питера, и поэтому он немного рисовался передо мной. Он повсюду играл форхендом и скользил, как парень, который, очевидно, вырос на грунте и чувствовал себя там невероятно комфортно.

Кэхилл вспоминает, что Картер выжидательно поглядывал на него после высокоскоростных розыгрышей.

– Я был, конечно, впечатлен, но никак не бэкхендом Роджера, – поделился Кэхилл. – Он делал большой шаг. Мы, тренеры, учим передвигаться по корту в основном мелкими шажками, подходя в самую удобную позицию для удара. Все

начинается с задней ноги. Вы переносите вес на переднюю ногу с максимальной мощностью. Это похоже на бокс. Чем больше шаг при ударе, тем менее мощным он будет. И Роджер делал большой шаг в сторону бэкхенда. В итоге половину ударов он бил сзади.

После тренировки Картер спросил мнения своего друга.

– Я сказал, что, во-первых, у меня в Аделаиде есть ребенок, который немного лучше этого парня, и это Ллейтон Хьюитт, – вспоминает Кэхилл.

Он сказал Картеру, что удар справа и движения Федерера действительно впечатляют. Тем не менее он добавил:

– Приятель, тебе придется поработать над его бэкхендом. Потому что он может его затормозить.

Кэхилл признался, что позже в своей тренерской карьере он бы оценивал эту тренировку совсем по-другому.

– Мы, тренеры, часто тратим слишком много времени на поиск недостатков, – сказал Кэхилл. – Мы слишком концентрируемся на них вместо того, чтобы работать над сильными сторонами игрока. Так что я вел себя как типичный начинающий тренер. Я искал слабые стороны и игнорировал то, что сделает его великим.

Преимущества будут в ударе справа, работе ног, подаче, тайминге, чувстве корта, планировании и в стремлении к большему. Но в те ранние годы было еще одно неоспоримое препятствие: психика Федерера.

– Я был ужасным неудачником, действительно был, – при-

знает сам чемпион.

Барлоше вспоминает, как Роджер проиграл в клубном матче *Old Boys*, сидел под вышкой судьи и долго плакал даже после того, как все остальные покинули корт.

– Обычно, когда у нас проводятся командные матчи, мы потом вместе что-нибудь едим, и у нас уже заканчивались бутерброды, а он все не приходил, – рассказывает Барлоше. – Через полчаса мне пришлось вытащить его из-под кресла судьи, а он все еще плакал.

Слезы были для Федерера способом рефлексировать. Он даже перевернул несколько досок после поражения отцу в шахматы. Жажда соперничества у теннисиста была чрезмерной, а чувствительность делала его уязвимым. Роджер всегда боялся не оправдать свои собственные и чужие ожидания.

Хотя Федереру и не хватало самообладания, он был такой не один.

– Для того возраста это не было чем-то экстраординарным, – считает Барлоше. – Один ребенок плачет. Другой кричит. У Роджера, скорее, была проблема с пониманием того, что другие тоже могут хорошо играть в теннис. Мы должны были напоминать ему об этом.

Тем не менее Федерер знал, как повеселиться. Барлоше вспоминает, как искала его перед матчем, когда подошла его очередь играть, и не могла найти. Оказалось, что Роджер прятался на дереве.

– Он любил такие шутки, – улыбается она.

Линетт и Роберт не тряслись над ребенком, Роберт часто путешествовал по работе с *Ciba*.

– Конечно, они приходили на матчи, но во время тренировок Роджера они все еще сами работали, поэтому они никогда не приходили и не говорили мне, что он должен делать, как играть или как тренироваться, – сказала Барлоше. – Родители иногда думают, что их дети намного лучше, чем они были на самом деле. Но с Федерерами у меня не было проблем.

Родители Роджера не лишали своего сына обеда, когда он проигрывал матч, но они реагировали в тех ситуациях, когда он терял хладнокровие.

Роджер рассказывает историю о том, как его отец выразил свое неодобрение его поведением – положил на скамейку швейцарскую монету в 5 франков и сказал Роджеру, что тот сам найдет дорогу домой.

Одно из лучших объяснений того, что Федерер испытывал на этом этапе, было опубликовано в лондонской *Times*.

– Я знал, что я мог победить, а неудача сводила меня с ума, – вспоминает теннисист. – Внутри меня говорили два голоса, дьявол и ангел, я полагаю, и один не мог поверить, насколько глупым мог быть другой. «Как ты мог это пропустить?» – говорил один голос. Тогда я буквально взрывался. Мой папа так смущался на турнирах, что он кричал, чтобы я замолчал, а по дороге домой в машине не произносил ни слова.

По крайней мере, его отвозили домой. Но для тех, кто видел, как он взрывался, воспламеняемость Федерера была его главным недостатком. Он явно был талантлив и, казалось, амбициозен, но контроль часто определяет разницу между посредственным и хорошим, между хорошим и великим.

– Роджер не был автоматом, – сказал Питер Смит, который иногда обсуждал поведение Федерера с Картером. – Он был темпераментным, и нужен был кто-то с твердым характером, и большинство подумало бы, что это не Питер Картер, но я думаю, что это был именно тот Питер Картер, которого я знал. Я думаю, что он дисциплинировал своих учеников.

Было сразу понятно, что изменить поведение Федерера на корте станет непростой задачей, но ее придется решить для развития игрока, который выглядел так перспективно.

Картер был тренером и доверенным лицом Роджера. Со своим австралийским акцентом и хорошим чувством юмора он был еще и мостом в историю тенниса. Он рассказывал Федереру о великих австралийцах прошлого: Роде Лейвере, Кене Роузуолле и Джоне Ньюкомбе. Между тем Роджер каждый год получал возможность поближе познакомиться и с лучшими игроками современности.

Каждую осень в Базеле проводился мужской турнир *Swiss Indoors*. Роджер Бреннвальд, основатель и директор турнира, выделял большие гонорары за участие и занимал выгодное место в календаре, чтобы привлечь участников. Это мероприятие на тот момент входило в низшую категорию

ATP Tour.

С 1987 по 1997 год в список победителей этого турнира вошли такие чемпионы Большого шлема, как Янник Ноа, Эдберг, Курьер, Джон Макинрой, Беккер, Майкл Стич и Самpras.

Линетт, глубоко вовлеченная в теннисное сообщество Базеля, вызвалась работать в отделе аккредитации турнира. Ее сын впервые работал в нем боллбоем в 1992 году, в том же году, когда его наградили как многообещающего спортсмена в этом регионе. Джимми Коннорс и иранский игрок Мансур Бахрами обменялись парочкой ударов с молодым щетинистым Федерером и сфотографировались с ним у сетки.

В 1993 году Федерер занял место среди боллбоев, пожал руку Стичу и получил медаль после того, как Стич победил Эдберга в финале. В 1994 году Федерер поприветствовал чемпиона Уэйна Феррейра, южноафриканца, за которого он болел.

Федерер наблюдал за жизнью, которую он в конечном итоге будет вести, и за чемпионами, чьи дороги с ним пересекутся позже: Эдберг станет его тренером, Феррейр – другом и партнером в парных играх.

То, что Роджер вырос в городе, в котором проводился самый значительный швейцарский турнир, было еще одним ингредиентом успеха. Даже если не считать это судьбой, спустя годы Федерер окупит турнир, на котором он впервые познакомился с профессиональной игрой.

Всего через четыре года после своего последнего пребывания в качестве боллбоя Федерер сам сыграет в *Swiss Indoors*, проиграв 6–3, 6–2 Андре Агасси в первом матче. Через два года после этого Роджер вышел в финал, но проиграл в пяти сетах Томасу Энквисту.

Благодаря популярности Федерера в 2009 году *Swiss Indoors* поднялся в категории с удвоенным призовым фондом.

– Мы организовывали наш турнир тридцать пять или тридцать шесть лет и знали, чего ожидать, – сказал Бреннвальд в интервью швейцарским журналистам Симону Графу и Марко Келлеру. – Затем внезапно произошло то, что изменило все наши представления. Интерес к Федереру был просто невероятным.

Бреннвальду, когда-то самой влиятельной фигуре в швейцарском теннисе, пришлось подстраиваться к новой звезде, что не всегда проходило гладко. В 2012 году достоянием общественности стал спор о гонорарах Федерера за будущие выступления. Бреннвальд предположил, что Федерер и его агент Тони Годсик слишком жадные, хотя Роджер несколько лет играл за 500 000 долларов, что было ниже его обычной ставки. Федерер был ошеломлен критикой, но решил не пропускать турнир. Он играл в *Swiss Indoors* в 2013 году, вообще не получая денег за участие.

– Это мой родной город, поэтому мне было особенно неприятно, – признался мне теннисист вскоре после турнира

2012 года. – Было странно видеть такой контекст, поскольку цель переговоров заключалась в подписании долгосрочного контракта перед турниром именно по этим причинам, чтобы мы не говорили о подобных глупостях. А потом, сам знаешь, в прессе во время турнира новость звучит так, чтобы сделать игру поинтереснее для всех.

Федерер, не поклонник споров, попал как раз в такую ситуацию, но предпочел избежать суматохи.

– Мне кажется, что люди верят мне, считают, что то, что я делаю, – это правильно. Когда я принимаю решения, я тщательно их обдумываю, и меньше всего мне бы хотелось, чтобы появлялись разногласия. Но на любом пути встречаются препятствия, и они – его неотъемлемая часть. Именно они заставляют вас расти над собой, делают вас сильнее. Честно говоря, вы все равно не сможете избежать их всех.

Федерер подписал новое соглашение с Бреннвальдом в 2014 году и остался верен своим корням и родному турниру. С 2006 по 2019 год он десять раз выигрывал титул и трижды проигрывал в финале. Несмотря на небольшой масштаб соревнования, оно принесло ему много радости и смысла. Роджер был так же предан швейцарскому клубу, как и Уимблдону.

Ежегодное появление Федерера в Базеле – это его самая заметная связь со Швейцарией, тем более что он перестал играть в Кубке Дэвиса в 2015 году. Швейцария остается местом, где ценится рассудительность, тем не менее эмоции

Федерера расценивались явно спокойнее, чем если бы теннисист был, скажем, бразильцем или американцем.

Недавняя петиция о переименовании арены *St. Jakobshalle* в честь Роджера не собрала достаточно подписей, чтобы ее официально рассмотрели муниципальные власти. Это, безусловно, может измениться, но пока признаков достижений и статуса Федерера в Базеле практически нет. Единственный корт, носящий его имя в его родном городе, находится в клубе *Old Boys*.

Его легко посетить. Вы можете беспрепятственно пройти через ворота клуба; они не охраняются. Слева вы увидите большую доску, на которой маркером записаны ежедневные бронирования каждого из девяти кортов. Только два корта названы в честь игроков: центральный корт Роджера Федерера и корт Марко Чиудинелли.

Стороннему наблюдателю может показаться, что это так по-швейцарски: Чиудинелли, который никогда не попадал в топ-50, получил здесь практически равную награду с Федерером, одним из величайших игроков всех времен.

Тем не менее Базель – родной город Чиудинелли, и в этом клубе он начал свое восхождение, даже если оно завершилось вдалеке от вершин, которых достиг Федерер.

– Помимо Роджера Марко был единственным теннисистом из нашего клуба, кто играл на международном уровне в рамках *ATP Tour*, так почему бы не назвать корт и его именем? – считает Барлоше.

Чиудинелли всего на месяц младше Федерера. Оба теннисиста выросли в Мюнхенштайне, и Чиудинелли сначала играл в другом клубе, но почти сразу перешел в *Old Boys*.

— Эти двое всегда дружили, они играли и делали все вместе, — вспоминает Барлоше. — Юниор Марко был лучшим другом юниора Роджера.

Помимо тенниса оба любили футбол, и сначала они играли друг против друга именно на стадионе. Но в конце концов в восемь лет они встретились и на теннисном турнире. Его метко называли «Кубком Бамбино», и Федерер описал этот матч в интервью для документального фильма *Strokes of Genius*.

— Мы сыграли около девяти игр, — вспоминал Роджер, — и я вел 3–0, и он начинал плакать: «Ой, я так плохо играю», а я его успокаивал: «Все в порядке, Марко, ты вернешься, посмотришь. Ты хороший игрок». Тогда он вырывался вперед, 5–3, и начинал плакать я. Он говорил: «Не волнуйся, все будет хорошо. Знаешь, я просто хорошо играю последние розыгрыши». Потом я повел 7–5, и он снова начинал плакать. Мы утешали друг друга, пока продолжался матч.

Чиудинелли выигрывал, и ничего не предвещало грядущих событий. Но они с Федерером много играли в теннис, в карты и во всякие детские игры. Несмотря на то что Роджер добился большего богатства и славы, они с Марко остались хорошими друзьями.

— Когда мы оба поехали в тур, это было похоже на сказку, —

улыбается Федерер.

Они встретились друг с другом в *Old Boys* на благотворительном турнире в 2005 году. Федерер остается членом клуба, несмотря на то, что с тех пор он не играл на этих кортах. Чемпион внес свой вклад в фонд строительства крытого корта.

В день моего визита два молодых человека из Базеля – Йонас Штайн и Сильвио Эспозито – тренировались на солнышке на корте № 1, там же, где Федерер плакал под креслом судьи.

– Вы ведь ожидали большего, правда? – спросил Штайн после того, как они с Эспозито закончили. – Не все знают, что это клуб Федерера. Все знают, что он из Базеля, но сам клуб не так известен. Думаю, руководство десять лет назад упустило возможность его продвинуть. Из него бы получилась хорошая туристическая достопримечательность, и каждый китаец мог бы пройти мимо и сфотографироваться рядом. Но я полагаю, что в Швейцарии так не принято.

Единственная фотография Федерера на территории клуба находится в скромном клубном ресторане. Там он подаст на Уимблдоне. Под логотипом *Tennis Old Boys Club Basel* написано: «Дом легенды». Для Швейцарии это показательно настолько, насколько это вообще возможно.

У Эспозито есть собственная коллекция имени Федерера. Он сказал, что родители Роджера подарили его дедушке одну из первых ракеток своего сына, а позже Сильвио получил ее

в подарок.

– Я начал играть ей, но мне не досталось той энергии, – смеется Эспозито.

Чтобы догнать Федерера, нужно гораздо больше. Для этого требуются исключительный талант и драйв, сильная поддержка, невероятная удача и разумные решения.

Одним из самых разумных решений Роджера было уехать из Базеля, по крайней мере ненадолго.

Глава третья

Экюблан, Швейцария

– *Arrête², Роджер. Arrête!*

Голос принадлежал Кристофу Фрейссу, французу, тренеру швейцарского национального центра. Он говорил Роджеру Федереру перестать бить теннисным мячом о контейнер с оборудованием.

– Он создавал так много шума, что всем было трудно сосредоточиться, – рассказал Фрейсс.

Федерер, импульсивный и энергичный подросток, если и прислушивался к просьбе, то ненадолго.

– Он остановился, может быть, на пять минут, но потом взял ракетку и опять начал стучать, – вспоминает Фрейсс. – И я попросил: «Роджер, остановись сейчас же!»

Федерер, которому тогда было четырнадцать, учился в Экюблане, пригороде Лозанны, на берегу Женевского озера. Он все еще оставался в своей родной стране, но юношу из немецкоязычного Базеля считали чужаком. Основной язык Лозанны – французский, и для Роджера, приехавшего в августе 1995 года, это стало проблемой.

– Он мог сказать *bonjour, merci* и *au revoir*, но на этом его

² Прекрати (Прим. пер.).

познания заканчивались, – вспоминает Ив Аллегро, однокурсник и будущий партнер Федерера в команде Кубка Дэвиса.

Теннисист жил в местной франкоговорящей семье, у Кристинетов, и посещал местную среднюю школу *Collège de la Planta*, где преподавали на французском языке. В плане эмоций для юноши учиться было все равно что кататься на американских горках.

Будучи одним из младших, тренирующихся в национальном центре, Федерер выходил на корт во второй половине дня, в то время как старшие ученики тренировались с 10:00 до полудня. Но на этот раз занятия в школе у Роджера закончились около 11:00, и он прибыл в теннисный центр, когда старшая группа еще играла.

– В Федерере энергия была ключом. Я сказал ему пойти и сделать уроки, – рассказывает Фрейсс. – Но это было безнадежно, – вуаля! – он начинает бить по мячу.

Фрейсс дважды предупредил его. Поняв, что это бесполезно, он разработал план. Если Федерер вернется в третий раз, его ученики преподнесут ему урок.

– Я был уверен, что он вернется, – признался Фрейсс. – Он действительно не мог сидеть на месте.

Конечно же, Роджер так и сделал. На этот раз Фрейсс и ученики скрутили его и отнесли наверх в раздевалку, дав понять, что собираются запихнуть его одетым в холодный душ.

– Мы хотели, чтобы он в это поверил, хотя, конечно же, не

собирались этого делать, – сказал Фрейсс. – Я даже включил душ. На этом я и остановился. Но я уверен, что этот момент запомнился Роджеру.

Федерер определенно помнит этот случай. Это было частью беспокойного, тяжелого для него времени.

– Я был швейцарским немецкоговорящим парнем, над которым все смеялись, – считает он. – Я не мог дождаться выходных, когда смогу сесть на поезд и поехать домой, в Базель.

Тем не менее переехать в Экюблан было его собственным выбором. Он покинул не только своих родителей и сестру, но и тренера Питера Картера, клуб *Old Boys*, а также, безусловно, свою зону комфорта. Все для того, чтобы вывести свой теннис на новый уровень.

– Мы хотели, чтобы Роджер сам принял решение, – сказала мне Линетт Федерер. – Мы готовы были поддержать любой его выбор, и я думаю, это было одной из причин, по которой он упорно продолжал свой путь: это было *его* решение.

Сейчас Федерер не жалеет об этом шаге. Наоборот, он считает два года в Экюблане жизненно важным этапом его взросления и ключевым элементом его дальнейшего успеха.

– Я должен признать, что это были, вероятно, одни из самых значимых лет в моей теннисной жизни, – говорит он.

Молодым игрокам Роджер часто рекомендует воспользоваться возможностью ненадолго уйти из дома, чтобы развить чувство уверенности в себе самом. Это ключевой момент в

соревновательном индивидуальном виде спорта, где доверие к себе самому может быть столь же важным, как и доверие к своему удару справа.

Федерер не столкнулся с теми препятствиями, которые преодолевают многие великие теннисисты современности. Ему не пришлось пересекать океан в шесть лет, как Марии Шараповой, отец которой отдал ее в академию Флориды. Роджеру не нужно было искать способ тренироваться и совершенствоваться во время войны, как Новаку Джоковичу.

Но если смотреть сквозь призму комфортного существования Федерера, Экюблан был испытанием: добровольным и незначительным, но все же испытанием. Это была часть его роста над собой, как человека, так и игрока.

– Дома я был фаворитом, чемпионом, но в Экюблане я был рядом с другими такими же чемпионами, и мне было трудно с этим справиться, – признает теннисист. – Принимающая меня семья была очень хорошей, но это была не моя семья. Спустя три месяца я действительно сомневался, остаться ли. Но я поступил правильно, пережив это.

Прошло больше двадцати лет, и тренировочного центра в Экюблане, как и самого небольшого клуба, давно нет. Восемь кортов, крошечный тренажерный зал и прилегающая беговая дорожка были реконструированы и заменены жилыми домами.

Это не единственный исчезнувший клуб на жизненном пути Федерера. Клуб *Ciba*, где он начинал играть в Базеле,

был снесен и заменен домом для престарелых и общественным парком. Роджер часто отправляет видео-сообщения, и в 2012 году он послал одно из них членам клуба *Ciba* на прощальную вечеринку, незадолго до его сноса, поделившись своими воспоминаниями о прошедших матчах и барбекю.

Экюблан вызывает у него более неоднозначные эмоции, но он все еще чувствует потерю.

– Это горько-сладкие воспоминания, – говорит Федерер, – и это было такое важное место в моей жизни.

Другие, кто там тренировался, испытывают то же чувство ностальгии.

– Ничего не осталось; это разбивает мне сердце, – сказала Мануэла Малеева, теннисистка, занявшая 3-е место в мировом рейтинге.

– Это трогает, – сказал Аллегро. – Я хожу туда, может быть, раз в год, и стараюсь почаще проходить мимо, потому что это часть нашей молодости. До сих пор больно видеть, что теннисного центра больше нет.

Но даже без физического места Федереру осталось богатое наследие времен Экюблана.

Во-первых, его беглый, мелодичный французский. Изучение языка расширило его кругозор, круг общения и повысило его привлекательность как на международном уровне, так и в стране, где он живет. Ведь только полиглот может преодолеть культурные различия регионов.

– Я думаю, что для франкоязычных швейцарцев это дей-

ствительно важно, ведь многие немецкоязычные швейцарцы плохо говорят по-французски, – сказала мне швейцарская писательница Маргарет Ортиг-Дэвидсон. – Люди в немецкоязычной части страны обычно гораздо лучше знают английский, чем французский. Думаю, французский Роджера очень ценится.

Наследие Экюблана – это и новые друзья Федерера: Аллегро, Лоренцо Манта, Иво Хойбергер, Александр Страмбини и Северин Люти – фигура, которую недооценивали и которая станет частью ближайшего окружения Федерера и его тренерского штаба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.